

Депутатъ отъ Россіи.

Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой.

Г л а в а ІІІ.

Россія и Англія.

Врближались общіе выборы 1880 года, когда политика Биконсфильда должна была предстать на судъ націи. Гладстонъ открылъ кампанію въ Мидлотіанѣ. Большинство его обвиненій направлено было на анти-русскую политику министерства.—Очевидно было, что выборы будутъ зависѣть отъ рѣшенія восточнаго и Афганскаго вопросовъ. Гладстонъ безпощадно обвинялъ въ джингоизмѣ политику Биконсфильда. Многие находили, что лучшимъ средствомъ для сближенія Россіи и Англіи было бы перепечатаніе, до выборовъ, собранія статей и писемъ г-жи Новиковой, написанныхъ съ осени 1877 года. Нѣкоторыя изъ нихъ появились въ книгѣ „Is Russia wrong“ „Виновна ли Россія“,—другія въ „Friends of Foes“, „Друзья и Враги“,—и на страницахъ „Сѣвернаго Эхо“. Такой сборникъ статей былъ весьма цѣненъ для либераловъ, какъ документъ кампаніи. И онъ появился въ формѣ цѣлой книги подъ заглавіемъ: „Россія и Англія“, какъ серьезное и краснорѣчивое обращеніе ко всему англійскому народу въ защиту соглашенія съ Россіей.

Въ 1880 году мы стояли на распутьи. Если бы нація простила преступное нападеніе на Афганистанъ и анти-русскую политику лорда Биконсфильда, то единственный шансъ Гладстона былъ бы потерянъ.

Никто изъ русскихъ, кромѣ г-жи Новиковой, не былъ въ состояніи и не желалъ обратиться съ воззваніемъ къ англійскому на-

роду. Ея заключительныя слова въ „Россія и Англія“ выражаютъ настроеніе, съ которымъ она подошла къ дѣлу.. Вотъ они!

„Исходъ теперь въ рукахъ народовъ, а не кабинета.

„Искреннее соглашеніе между Англіей и Россіей необходимо для просвѣщенія востока и есть единственное основаніе, на которомъ могутъ развиваться великія задачи Европы и Азіи.

„Почему бы намъ не быть друзьями?

„Пылкая вражда, такъ усердно поддерживаемая заинтересованными сторонами—упрекъ разуму и сознанію долга. Отъ нея страдаемъ не мы одни, а всѣ, соприкасающіеся съ нами народы.

„Русскій народъ былъ противъ воли вовлеченъ въ антагонизмъ съ Англіей. Съ радостью мы привѣтствовали бы выходъ изъ этого нежелательнаго положенія и сердечно приняли бы Ваше содѣйствіе въ дѣлѣ развитія свободы Христіанскаго востока, провозглашенной лишь теперь политикой либеральной Англіи, но бывшей всегда исторической задачей моей родины“.

Содержаніе книги было нѣсколько смѣшанное. Это дало поводъ Книглекку пошутить надъ нею—„Ваша Россія и Англія“ то же, что Библия. Никто не знаетъ, почему эти главы соединены, и все же люди должны имъ поклоняться“.

Не трудно было однако догадаться, почему онѣ были соединены.

Разнородныя по формѣ, по содержанію и по духу, всѣ онѣ клонились къ одной цѣли: удалить недоразумѣніе между Россіей и Англіей, объяснить англійской публикѣ русскіе идеалы и побороть злыя измышленія руссофобовъ.

Единственное возраженіе противъ способа, которымъ г-жа Новикова исполняла свою задачу, состояло въ томъ, что ее находили слишкомъ безпощадной къ политикѣ Биконсфильда. „Было бы лучше если бы нападенія были мягче и сдержаннѣе, говорили даже ея друзья. Форстеръ, въ то время еще молодой человѣкъ, много общавшій и увѣренный, что въ концѣ 1874 г. будетъ война между Англіей и Россіей, возставалъ противъ метода г-жи Новиковой. Съ другой стороны Гладстонъ всячески поощрялъ ее продолжать и не щадить. Отвѣчая своимъ оппонентамъ г-жа Новикова писала:

„Мнѣ, можетъ быть, скажутъ, что моей откровенностью я приношу больше вреда, чѣмъ пользы дѣлу, близкому моему сердцу. Но иначе я писать не умѣю.

„Понять, почему мы другъ другомъ недовольны, было бы первымъ шагомъ къ устраненію недоразумѣній. Будь я слишкомъ мягка въ словахъ и уклонись я отъ откровеннаго изложенія фактовъ, я не была бы вѣрной и правдивой представительницей русскихъ взглядовъ“.

Карлейль настаивалъ на изданіи ея писемъ, Она спросила его въ отвѣтъ, не напишете ли Вы предисловіе? „Онъ съ грустью посмотрѣлъ на свои дрожащія руки и сказалъ: „Нѣтъ, я не могу; но вотъ Фрудъ, онъ человѣкъ молодой—онъ напишетъ. (Молодому—было тогда за 65 лѣтъ).

Итакъ, Фрудъ написалъ блестящее предисловіе. „Россія и Англія“ появились какъ бы подъ указаніемъ самого Карлейля.

Позднѣе Фрудъ писалъ ей по этому поводу:

20 января 1880.

„Я получилъ всѣ листы и завтра займусь предисловіемъ. Удивленъ Вашей превосходной работой. Какъ Вы нашли время читать столько книгъ и прочесть ихъ такъ хорошо и обдуманно.

„Такъ какъ вы упоминаете о вашихъ братьяхъ, то я имѣю право говорить и о нихъ, какъ о Васъ самихъ.

„Благодарю за Nouvelle Revue. Вы такъ же превосходно пишете по-французски, какъ и по-англійски: я зналъ единственнаго иностранца, который такъ же, какъ и Вы, могъ говорить на нашемъ языкѣ, онъ тоже былъ русскій и большой мой другъ; онъ первый познакомилъ меня съ Россіей и заставилъ ее цѣнить. Онъ позднѣе сошелъ съ ума и былъ увезенъ въ Одессу. За нѣсколько часовъ до смерти, сознание къ нему возвратилось. Онъ спрашивалъ о своемъ другѣ-англичанинѣ. Въ отвѣтъ на его вопросъ раздавался громъ англійскихъ пушекъ, бомбардировавшихъ внѣшнюю гавань. Это было въ 1854 году“.

На другой день Фрудъ почему-то писалъ, что ей „лучше было бы поручить Кинглекъ написать предисловіе“.

„Ваша книга очень выиграетъ, если самъ Кинглекъ напишетъ предисловіе. Во-первыхъ, онъ знаетъ восточный вопросъ гораздо лучше меня, а главное имя его болѣе извѣстно. Въ вашихъ интересахъ поручить это ему. Я пришлю или привезу Вамъ самъ мою скудную лепту послѣ завтра. Пусть онъ ее просмотритъ, измѣнить, исправить, или напишетъ лучшую. Мое самолюбіе нисколько не будетъ оскорблено, я желаю только того, что можетъ быть лучше для Васъ.

Фрудъ“.

Г-жа Новикова слышать не хотѣла объ этомъ предложеніи, и предисловіе, написанное г. Фрудомъ, заслужило большое одобреніе ея друзей.

Его предисловіе,—хорошо обдуманый призывъ къ дружбѣ съ Россіей, соединенный съ горячей оцѣнкой дѣятельности г-жи Новиковой.

„Подъ вліяніемъ страстнаго патріотизма, побудившаго брата идти на смерть, сестра трудилась годъ за годомъ въ Англіи, думая, что какъ бы мы ни были введены въ заблужденіе, мы, народъ великодушный, и если бы мы дѣйствительно знали, въ чемъ состоитъ цѣль Россіи, мы прекратили бы вражду и подозрѣнія. Принятая г-жею Новиковой задача была такъ тяжела, что нуженъ былъ весь ея энтузіазмъ къ дѣлу, чтобъ ее продолжать. Въ теперешнемъ настроеніи, когда мы думаемъ, что міромъ управляютъ корыстныя, себялюбивыя цѣли, мы забываемъ времена нашей собственной исторіи, а эти времена достойны лучшихъ воспоминаній, когда корысть была ничто для насъ, а дѣло, которое мы почитали святымъ, было все.

Сказавъ, что семья Кирѣевыхъ—исключеніе, составляющее надежду человѣчества, воспоминанія о которыхъ освящены исторіей, Фрудъ такъ объясняетъ, почему написана книга:

„Цѣль книги представить намъ наши дѣйствія въ теченіе прошедшихъ четырехъ лѣтъ такими, какими они кажутся въ глазахъ Россіи.

Если Россія ошибается въ сужденіи объ Англіи, почему не можемъ мы ошибаться въ нашихъ сужденіяхъ о Россіи? Что касается изложенія, то ни одинъ иностранецъ, пытавшійся писать на англійскомъ языкѣ, насколько мнѣ извѣстно, не владелъ имъ въ такомъ совершенствѣ. „О. К.“ играетъ самыми сложными нашими выраженіями, высказываетъ свой сарказмъ съ такимъ умѣніемъ, котораго трудно достичь самой даровитой англійской писательницѣ. Она, кажется, прочитала каждую напечатанную книгу и каждую замѣчательную произнесенную рѣчь о Восточномъ вопросѣ, за последнее полстолѣтіе. Далекая отъ недоброжелательства къ намъ, она ничего такъ не желаетъ, какъ сердечнаго союза между своей родиной и нами. Она справедливо протестуетъ противъ пылкаго довѣрія нашего ко всякой клеветѣ о Россіи и противъ ухудшенія отношеній, которыя должны бы быть дружественны и сердечны“.

Если Фрудъ былъ радъ оказать содѣйствіе, хотя въ ничтожной степени, смѣлой женщиной, защищающей славянъ передъ англійской публикой, то у нея было много другихъ друзей, не менѣе готовыхъ рекомендовать публикѣ ея книгу. Гладстонъ въ „*Fortnightly Review*“ и въ *Revue des deux mondes*, Кинглекъ въ *Quarterly Review*, Гергардъ, знаменитый („*Cagiolis*“) французскій дипломатъ въ *Nouvelle Revue* указывалъ на особое значеніе книги.

Карлейль написалъ бы, если бы могъ, но онъ мнѣ жаловался, что диктовать онъ не можетъ, и какъ только онъ возьметъ перо и напишетъ нѣсколько словъ, пальцы ослабѣваютъ, и перо цара-

паеть по бумагѣ. Гладстонъ не только писалъ о книгѣ, онъ восторженно упомянулъ о ней въ своей рѣчи Мидлотіанѣ, при 10-ти тысячной толпѣ.

„Меня поражаютъ двѣ характерныя черты въ Вашемъ сочиненіи: Вашъ ясный, сильный, красивый стиль и Ваше искусство въ представленіи фактовъ и доводовъ. Я увѣренъ, что книга будетъ очень полезна“,—писалъ историкъ Фрудъ.

Но и враждебныхъ критиковъ было не мало: „Pale Mall gazette“ ограничилась такимъ ироническимъ замѣчаніемъ:

„Г-нъ Гладстонъ восхваляетъ искусство г-жи Новиковой управлять политической борьбой; но было бы правильнѣе воздать похвалы ея умѣнію управлять политическими людьми“.

Послѣ рѣчей въ Мидлотіанѣ, наканунѣ выборовъ не было ни одной книги, которая бы такъ прямо дѣйствовала на общественное мнѣніе, какъ „Россія и Англія“.

Когда Фрудъ прочиталъ главу „О двухъ Россіяхъ“—онъ написалъ:

20 февраля 1880.

„Я давно сказалъ, что было бы великое дѣло разрушить Лондонъ, Парижъ, Берлинъ и Нью-Йоркъ для общечеловѣчнаго блага и для исключительнаго блага четырехъ заинтересованныхъ странъ. Не прибавить ли мнѣ къ списку С.-Петербургъ? Я на-дняхъ перестраивалъ его съ Петромъ Великимъ, въ моей географической исторіи“.

Въ началѣ новаго года г-жа Новикова послала Гладстону нѣсколько интересныхъ писемъ отъ д-ра Павла Турнера, славянина изъ Богеміи и отъ епископа Штросмейера. Гладстонъ отвѣчалъ:

Харденъ, 6 января 1880.

Дорогая г-жа Новикова. Въ моемъ обращеніи съ Вами мое единственное оправданіе въ томъ, что съ другими корреспондентами я обращаюсь еще гораздо хуже. Переписка моя по истинѣ выше человѣческихъ силъ, или по крайней мѣрѣ тѣхъ силъ, какими я обладаю.

„Возвращаю Вамъ Турнера и Штросмейера: у нихъ благородныя чувства по отношенію къ Россіи и Англіи.“

„Въ Азій и въ Средней Азій, само собой разумѣется, мы должны бы быть въ полномъ согласіи. Я не увѣренъ даже, есть ли средина

между этимъ и полнымъ несогласіемъ. Я только боюсь, что, отвѣчая мнѣ, Вы будете слишкомъ учтивы. Каждое Ваше любезное слово будетъ истолковано еще существующимъ джингоизмомъ какъ доказательство сатанинскаго между нами договора. Поэтому я былъ бы радъ, если бы Вы были сухи, рѣзки, даже грубы, если Вы на это способны.

„Пріѣздъ мой въ городъ еще не рѣшенъ. Если поѣду—надѣюсь быть у Васъ. Я радъ, что Вы пишете, т. к. я думаю, что откровенное и смѣлое выраженіе русскихъ мнѣній здѣсь полезно.

Вѣрьте искренней моей преданности.

Гладстонъ“.

Когда „Россія и Англія“ печаталась, г-жа Новикова извѣщала объ этомъ Гладсона и предлагала ему экземпляръ книги. Онъ отвѣчалъ:

24 января 1880.

„Ваша любезная записка застала меня спѣшно проѣзжающимъ черезъ Лондонъ, на пути между смертнымъ одромъ сестры и ея погребеніемъ. Выѣзжаю между девятью и десятью. Книгу Вашу приму съ благодарностью. Знаю по опыту, что она будетъ откровенна, изящна и талантлива, значить, хороша.

Вашъ преданный Гладстонъ“.

Когда Гладстонъ получилъ книгу, онъ писалъ:

Февраль 1880.

„Очень благодарю. Въ концѣ мѣсяца Вы услышите мое мнѣніе относительно книги. Написать съ большимъ талантомъ и легкостью Вы бы не могли, даже если бъ занимались этимъ съ малолѣтства.

Послѣ, касаясь ея объясненія ошибки въ пониманіи фразы „Nous sommes dedans, чуть было не произведшей кризиса въ 1878 г., онъ продолжаетъ:

„Какъ русская, Вы съ увѣренностью можете быть правы въ томъ, что касается знанія языка и Littré близко подходитъ къ Вамъ, но не совсѣмъ. Онъ говоритъ: *Figurativement: se dit familièrement donner dedans, se laisser soltement tromper. Familièrement mettre quelqu' un dedans l'impressionner et le tromper.* Вы разсмѣтесъ надъ тѣмъ, что я позирую на француза. *Bon voyage*

Преданный Вамъ Гладстонъ“.

Я долженъ поздравить Васъ съ способностью писать. Но жажду на излишнюю вѣжливость.

16 февраля 1880.

„Тысячу разъ благодарю за книгу. Она ясна, сильна, откровенна. Слишкомъ учтива ко мнѣ, насколько я прочиталъ.

Продолжаю читать и обдумываю.

Гладстонъ“.

Дней черезъ шесть она получила это письмо.

Ховарденъ 22 февраля 1880.

„Дорогая г-жа Новикова. Я такъ былъ занятъ Вами, среди приготовленій къ приѣзду въ Лондонъ, что у меня достаетъ времени только сказать Вамъ, что статья моя о Вашей книгѣ появится въ Nineteenth Century, за мартъ. Я думаю, что полезно для публики привлечь ея вниманіе къ книгѣ, и нахожу, что рано Вы дѣлаете заключеніе, что ее не замѣтятъ. Для этого еще нѣтъ времени. Тѣмъ не менѣе я не сомнѣваюсь, что джингоистскія газеты отнесутся къ ней съ пренебреженіемъ.

„Возвращаюсь однако къ моей цѣли. Меня огорчаютъ Ваши лестные отзывы обо мнѣ, и я надѣюсь, что во второмъ изданіи Вы помѣстите какую-нибудь колкость.

„Трудно выразить мое огорченіе и ужасъ, съ которымъ я смотрю на преступленіе, совершенное въ Петербургѣ¹⁾, и глупость этого кроваваго поступка, т. к., повидимому, столовая почти не повреждена.

„Рекомендую Вамъ маленькое сочиненіе H. Nihilissimo, появившееся въ Туринѣ въ 1879 г. Если возможно, пришлю Вамъ 16 Rue Dupont въ среду почтой изъ Лондона оттискъ моей статьи. Надѣюсь быть завтра въ Лондонѣ.

„Благодарю за Ваше предложеніе и благодарю Васъ за то, что своей талантливой работой, я думаю, Вы оказали услугу миру и справедливости.

„Съ лучшими желаніями Вамъ счастливаго пути остаюсь преданный Вамъ

Гладстонъ“.

Такъ какъ г-жа Новикова осталась еще нѣсколько дней въ Лондонѣ, онъ прислалъ ей оттискъ своей статьи съ этимъ письмомъ:

24 февраля 1880 года.

„Дорогая г-жа Новикова. Спѣшу послать мою корректуру, чтобъ Вы могли протестовать. Помните, что въ случаѣ какой-нибудь

¹⁾ Взрывъ въ столовой Зимняго дворца 17 февраля 1880.

ошибки, долженъ сказать, что черновикъ пошелъ въ печать, не бывъ прочитанъ... И помните: Вы слишкомъ были учтивы къ преданному Вамъ Гладстону“.

Статья Гладстона, въ Мартовскомъ № „Nineteenth Century“ 880 г. была самая замѣчательная дань, воздаваемая государственнымъ дѣятелемъ иностранному критику англійской политики.

Гладтсонъ началъ такъ:

„Эта книга написана женщиной съ очевиднымъ большимъ талантомъ къ политикѣ, или къ умѣнію направлять политическую борьбу. Это трудъ адвоката-партизана, и этотъ фактъ дѣлаетъ его очень цѣннымъ для каждаго здравомыслящаго англичанина. Отношенія О. К. къ своему правительству насъ не касаются, и мы этого не знаемъ. Она свободно обсуждаетъ его поступки и партизанство и защита ея болѣе служить правительству, чѣмъ странѣ. Она имѣетъ право на особенное уваженіе англійскихъ торіевъ своимъ горячимъ патріотизмомъ. Имя О. К. хорошо извѣстно; но прозрачная дымка, которой она находитъ нужнымъ не скрывать, а защитить свою личность, не должна быть удаляема неосторожной рукой критика. Нѣкоторое время, во время нашихъ самыхъ страстныхъ споровъ о восточномъ вопросѣ, она смѣло объясняла положеніе своей страны на страницахъ провинціальной газеты „Сѣверное Эхо“... Газета эта издается въ Дарлингтонѣ, и въ ней О. К. сражалась за подвластныя Оттоманской имперіи племена, послѣдніе четыре года съ острой непоколебимой смѣлостью британца. Ссора ея съ нами—любовная ссора, ведя ее, она отличается чисто-сердечіемъ. Будь она осторожна, дипломатична, книга ея была бы стрѣлой безъ острія. Главный интересъ и значеніе ея книги въ строгости ея критическихъ замѣчаній. Прочестъ эту книги англичанамъ полезно и даже необходимо во многихъ отношеніяхъ.

Помимо политической и нравственной цѣли, книга имѣетъ литературное значеніе, читается легко, стиль свѣжій и ясный. Англійскій языкъ О. К. лучше большинства отечественныхъ писателей, и рѣдки случаи, когда чувствуется иностранная рука: она имѣетъ то преимущество, что свидѣлствуетъ о самостоятельной работѣ, безъ указки англійскаго учителя. Есть еще одно трогательное право этой книги на вниманіе человѣка съ чувствомъ: она посвящена памяти брата героя Николая Кирѣева, павшаго со славой въ началѣ Сербской войны 1876 г., чья кровь, подѣйствовавъ электрическимъ токомъ на умы русскихъ, дала начало славянской свободѣ подобно тому, какъ кровь мучениковъ дала, какъ говорятъ, начало церкви.

„О. К. напоминаетъ намъ, что кнутъ запрещенъ въ Россіи съ 1863 г., но литературнымъ кнутомъ она сама съ успѣхомъ хлещетъ по плечамъ своихъ противниковъ въ борьбѣ. Она, не стѣсняясь, ясно указываетъ на гнѣвъ своихъ соотечественниковъ. Она думаетъ, что они желаютъ нашей дружбы, но послѣ частыхъ отказовъ, предложеніе вновь должно быть сдѣлано нами, и конечно она не желаетъ купить наше доброжелательство недостойнымъ или слишкомъ смиреннымъ молчаніемъ“.

Гладстонъ продолжаетъ описывать содержаніе книги, которой онъ удивляется. Онъ положительно подписывается подъ всѣми заключеніями г-жи Новиковой, за исключеніемъ того, что касается конституціонализма для Россіи. Во всѣхъ другихъ тезисахъ онъ съ нею вполне соглашался. Онъ объявлялъ:

Неопровержимый пунктъ, установленный О. К., была серія уступокъ, которыми русское правительство желало избѣжать войны съ Турціей, поддержать Европейскій концертъ, примѣняясь ко взглядамъ Англіи...

Въ отвѣтъ появилось полное бездѣйствіе Европы послѣ болгарской рѣзни или, хуже того, возобновеніе ничтожныхъ дипломатическихъ воззваній, на которыя отвѣчалось ложью.

Этого Россія долѣе терпѣть не могла, она вынуждена была взяться за мечъ одна, безъ малѣйшей поддержки. Русскій народъ увлекся несдержаннымъ энтузіазмомъ: русскому правительству, хотя неохотно, пришлось дать согласіе на неизбежную войну за угнетенныхъ братьевъ.

Англійскіе торіи старались закрыть глаза на фактъ, что Россія этой войной приобрѣтала себѣ большую славу. Благодаря исключительно жертвамъ Россіи, десять милліоновъ людей, способные къ цивилизованной жизни, сдѣлали большой шагъ впередъ: одни къ полному освобожденію, другіе къ выходу изъ унижительнаго пораженія; остальные, пообнародованному Европейскому соглашенію, приобрѣли право надѣяться на такой же шагъ въ близкомъ будущемъ.

Никогда политика иностраннаго государства не получала болѣе восторженной похвалы, какъ выступленіе Гладстона на блестящую убѣдительную защиту г-жи Новиковой.

Гладстонъ не ограничился своимъ согласіемъ съ позднѣйшей русской политикой; по вызову г-жи Новиковой, онъ долженъ былъ высказать ей вполне свое довѣріе на счетъ будущности восточнаго вопроса. Онъ былъ вполне согласенъ съ г-жею Новиковой! Вотъ его слова:

„Совершенно правильно объявленіе общаго принципа, по которому Балканскій полуостровъ вмѣсто того, чтобы быть несчастнымъ

и опаснымъ, какъ было до нынѣшняго времени, сдѣлался бы счастливымъ внутренно и безвреденъ для другихъ.

„Оставался Константинополь, вопросъ первостепенной важности для всѣхъ прибрежныхъ странъ Чернаго моря и для Австро-Венгріи черезъ Дунай не въ смыслѣ безопасности, а какъ путь для ея міровой торговли. Объ этомъ послѣднемъ словѣ восточнаго вопроса, по справедливому замѣчанію лорда Дерби, О. К. писала большей частью откровеннымъ, прозрачнымъ языкомъ.

„Эта талантливая писательница“, продолжалъ Гладсонъ, ссылается на невѣроятный слухъ, что англійское правительство имѣло намѣреніе подстрекать Австрію, въ минуту изнеможенія Турціи, занять Константинополь.

Черный день насталъ бы для Европы, если бы Австрія соблазнилась этой дикой попыткой. Можно даже сказать, что эта попытка, а не что иное, отдала бы Константинополь въ руки Россіи.

Единственное государство, интересы котораго замѣшаны въ восточномъ вопросѣ въ соотвѣтствующей степени съ Россіей, Австрія. Но Австрія, домъ, раздѣлившійся въ самомъ себѣ. Она не могла ни дѣйствовать, ни думать даже безъ того, чтобъ не возбудить венгровъ противъ своихъ славянъ. Но Россія знала, чего хотѣла, всегда была опредѣленнаго понятія о Турціи, вмѣстѣ съ единомышленнымъ своимъ народомъ дѣйствовала и снова могла дѣйствовать одна. Несомнѣнно, что тѣ, кто считали Константинополь ключемъ Лондона, должны бы съ разумной послѣдовательностью достигнуть какого-нибудь соглашенія по этому вопросу жизни и смерти съ государствомъ, имѣющимъ такое громадное значеніе въ этомъ вопросѣ. Они не были увѣрены въ успѣхѣ, потому что не пытались этого сдѣлать.

Сдѣлавъ обширныя выдержки изъ писемъ г-жи Новиковой, Гладстонъ говоритъ:

„Эти цитаты достаточны, чтобъ дать понятіе о слогѣ, талантѣ и цѣли автора, а вмѣстѣ съ тѣмъ это полезныя уроки намъ самимъ. Мало кто не признаетъ въ ихъ строгости и остротѣ основу здравой мысли и даже доброжелательности вмѣстѣ съ большой силой убѣжденія.

„Желающіе имѣть болѣе широкія указанія на вѣроятную будущность Русско-Славянской политики въ восточномъ вопросѣ найдутъ отвѣтъ въ этой книгѣ.

„Политика будущаго въ этихъ статьяхъ представляется такъ:— славянскія земли для славянъ, греческія для грековъ, раздѣленіе обѣихъ въ областяхъ со смѣшанной расой для того, чтобы, приобрѣтя политическую жизнь, онѣ могли найти себѣ выходъ. Никакихъ притязаній на землю со стороны Россіи, ни съ какой-либо другой стороны. Теперь посмотримъ спокойно на будущее и спросимъ

себя, не было ли бы это разумнымъ и желательнымъ устройствомъ для Восточной Европы? Если это такъ, то много значитъ, что мы въ Англии слышимъ это отъ русской женщины, горячо сочувствующей своимъ славянскимъ соотечественникамъ. Если она и не въ силахъ требовать отъ своего правительства подтвержденія своихъ мнѣній, все же едва-ли она допустила бы обнародованіе того, что оно нашло бы неприятнымъ.

„Какъ при появленіи этихъ замѣтокъ, такъ при ихъ окончаніи воздадимъ русскому автору должную дань справедливой благодарности. Мы не слышали ея имени ни при какой борьбѣ, до великой распри послѣднихъ четырехъ лѣтъ, но перо ея могло бы сдѣлать честь опытному писателю; дѣйствительно она пишетъ съ примѣсю чистосердечія, остроты и такта, какими рѣдко владѣютъ опытные и неопытные. Атмосфера вокругъ насъ очистилась откровеннымъ обмѣномъ мнѣній, постепенное улучшеніе положенія подготавливается, оно готовится соединенными усиліями друзей и ихъ противниковъ, лишь бы они говорили открыто и дѣльно. Этимъ условіямъ соотвѣтствуетъ эта книга. Едва-ли она нуждалась въ предисловіи извѣстнаго историка, чтобы обезпечить себѣ вниманіе нашей читающей публики.

„Независимо отъ согласія съ тѣмъ или другимъ мнѣніемъ, мы должны привѣтствовать съ благодарностью ея появленіе, какъ содѣйствіе миру и укрѣпленію порядка и довѣрія въ Европѣ“.

Статьи Кинглека, Лавеле и другихъ были блестящей оцѣнкой книги, компетентными критиками. Статья Гладстона была больше, чѣмъ критика, это была публичная демонстрація. Мѣсяца черезъ два, возвратясь къ власти, какъ глава партіи, Гладстонъ объявилъ во всемірное услышаніе свое сердечное принятіе самыхъ значительныхъ предложеній, изложенныхъ г-жею Новиковой, какъ должествующихъ руководить политикой Европы въ восточномъ вопросѣ.

Г-жа Новикова одержала, дѣйствительно, безпримѣрную побѣду. Подобно Лютеру она написала свои тезисы на восточный вопросъ самымъ непосредственнымъ способомъ и пригвоздила ихъ на видъ всему міру къ ближайшей церковной двери въ Виттенбергѣ, и Гладстонъ, лидеръ партіи наканунѣ побѣды, готовящійся быть призваннымъ своей Монархиней на постъ премьера, прочитываетъ новиковскіе тезисы и во всеуслышаніе заявляетъ: „Я соглашаюсь съ г-жею Новиковой“.

Это былъ самый смѣлый и вызывающій поступокъ въ жизни Гладстона, повтореніе, но въ гораздо большемъ размѣрѣ, того случая, когда онъ подалъ руку г-жѣ Новиковой въ Сентъ-Джемсъ-Холь и проводилъ ее въ ея гостиницу.

Г-жа Новикова быстро поняла и оцѣнила значеніе и опасность поступка Гладстона. Прочитала оттискъ его критической статьи съ глубокой благодарностью, но при встрѣчѣ съ нимъ, благодаря его за нее, сказала:

— „Но она не должна никогда быть отпечатана“.

Удивленный Гладстонъ спрашиваетъ: „Почему?“.

— „Потому, отвѣчала она—что она повредитъ Вамъ“.

— „У Васъ на дняхъ общіе выборы. Если статья Ваша появится теперь, всѣ враги воспользуются ею противъ Васъ“.

Гладстонъ вспыхнулъ и, опустивъ тяжело руки, какъ онъ это дѣлалъ въ Нижней палатѣ, ударилъ по столу:

— „Я ихъ заставлю прочитать!“

Конечно, Ольга Алексѣевна въ душѣ была очень рада, что Гладстонъ отказался отъ ея безкорыстнаго совѣта.

Она мнѣ писала:

„Статья Гладстона великолѣпна. Я такъ счастлива. Трогательно его упоминаніе о братѣ. Не прекрасный ли памятникъ эта книга. Скажите, обезпечено ли теперь дѣло славянъ? Я въ самомъ дѣлѣ чувствую себя счастливой. Въ будущій вторникъ въ 8 ч. я покидаю Англию, мою милую Англию—гдѣ есть люди, какъ Гладстонъ“.

Фрудъ, которому содержаніе книги было послано въ оттискѣ прежде, чѣмъ онъ писалъ предисловіе, писалъ г-жѣ Новиковой на Новый годъ:

„Я нахожу Ваше заключеніе очень правильнымъ. Англичане—тщеславные, предубѣжденные глупцы, но они не скоты и нѣкоторые изъ нихъ во всякомъ случаѣ будутъ тронуты выраженіемъ искренняго чувства“.

Карлейль былъ въ восторгѣ отъ книги. Мнѣ г-жа Новикова писала:

Вторникъ 7 февраля 1880.

„Карлейль и Фрудъ пришли, какъ обѣщали. Карлейль имѣлъ здоровый видъ и въ восторгѣ отъ книги.“

„Она будетъ очень полезна, сказалъ онъ, и всѣ подробности о людяхъ, съ которыми Вы встрѣчались, такъ интересны.—„Я такъ рада слышать это отъ Васъ, сказала я, г-нъ Фрудъ не пожалѣетъ о томъ, что написалъ предисловіе“. „Вамъ никакого предисловія не нужно было,—отвѣчалъ милый старикъ.—„Говорю Вамъ—книга превосходна. Мнѣ нравится этотъ человѣкъ Аксаковъ. Какъ мы мало знаемъ о Россіи!“

Сообщено Е. С. М.

(Продолженіе слѣдуетъ).

